

К нам снизошли ангелы и Вендерс

Нынешний Московский международный кинофестиваль можно считать удавшимся хотя бы по той причине, что его почтил присутствием один из наиболее интересных кинорежиссеров современности — Вим Вендерс. Начав карьеру в 1967 году с короткометражного фильма, он впоследствии снял около двух десятков лент, многие из которых уже стали классикой — «Алиса в городах», «Американский друг», «Хамметт», «Париж, Техас».

47-летний Вендерс — член жюри крупнейших кинофестивалей, обладатель многих престижных премий. На последнем фестивале в Канне его лента «Так далеко, так близко» была удостоена Большого приза жюри. Картина представляет собой продолжение знаменитого фильма Вендерса «Крылья желания», снятого в 1987 году. Приступить к новой работе, по словам самого Вима Вендерса, его побудили те перемены, которые произошли в Берлине за последние годы: шесть лет назад, до объединения Германии, Западный Берлин был городом-государством. Сегодня это просто город, во многом ставший символом перемен, произошедших в мире.

С учетом того, что не последнюю роль в этих переменах сыграл Президент СССР Михаил Горбачев, режиссер пригласил его на эпизодическую, но весьма важную роль в своем новом фильме наряду с известными актерами.

Однако личное знакомство со столь знаменитыми персонами не помешало Виму Вендерсу встретиться с корреспондентами «КП» и ответить на их вопросы. Беседа проходила накануне демонстрации на Московском международном кинофестивале фильма «Так далеко, так близко».

— Мы видели вас на просмотре фильма «Орландо» Сэлли Поттер. Вам понравилась эта лента?

— Да. Я раньше ее не видел.

— Героиня этого фильма за четыреста лет существования изменила свой пол, но оставила прежними привычки и характер. А как с годами менялись ангелы из ваших фильмов «Крылья желания» и «Так далеко, так близко»?

— В отличие от Орландо — существа смертного — мои ангелы вечны, им нет надобности менять пол или характер.

— Правильно ли говорить, что «Так далеко, так близко» — это продолжение «Крыльев желания»?

— В определенной степени — да, в этом фильме действуют те же персонажи. Но, с другой стороны, это не продолжение в общепринятом смысле слова.

— То есть это не «Крылья желания-2»?

— Нет. Мы решили делать другую картину, другую историю про тех же ангелов, и она сильно отличается от предыдущей. Когда мы делали «Крылья желания», у нас были два главных ангела. Бруно Ганс, игравший первого, вполне был доволен своей ангельской сущностью и вовсе не стремился к очеловечиванию. А вот Отто Сандер, напротив, очень переживал оттого, что, по фильму, он слишком уж ангел, и хотел стать ближе к людям. Но сюжет требовал именно такой расстановки сил. И под конец съемок я пообещал Отто, что однажды разрешу ему «быть человеком». Это было что-то вроде шутки. Мы даже в заключительных титрах «Крыльев желания» написали «Продолжение следует».

Но с тех пор в Германии и в мире все так переменялось, что пришлось вновь вернуться к истории об ангелах, прошедших взглянуть на этот мир ангельскими глазами.

— Почему ангелы приходят на землю: они так любят людей или им так плохо в раю?

— В «Крыльях желания» ангел становится человеком, чтобы познать, что такое лю-

бовь. В «Так далеко, так близко» совсем другая история: ангел не влюбляется и даже не хочет этого. Он становится человеком чуть ли не вопреки своей воле. И он очень несчастлив оттого, что люди все меньше прислушиваются к ангелам, и пытается выяснить — почему. Ему важно это понять, чтобы потом лучше служить людям.

— Когда ангелы спускаются из рая на землю, им ведь, наверное, приходится сталкиваться с силами Зла?

— Конечно, так получается и с моим героем. Он встречается торговцев оружием, связанных с Сатаной. К счастью, ангел это понимает, ему удается очиститься от греха, и в итоге он опять становится ангельски чист. Так что вся история, рассказанная в фильме, это во многом история об отношениях Добра и Зла.

— А как далеко вы могли бы зайти в исследовании Зла?

— Не очень далеко. Природа Зла меня не очень интересует. Я никогда не мог, да и не хотел изображать в своих фильмах настоящих мерзавцев. Это не для меня, я слишком люблю людей.

— И еще, насколько нам известно, вы обожаете музыку. Во всяком случае звуковая дорожка к фильму «До конца света» — это каталог лучших сил в современном роке: «Р. Е. М.», Лу Рид, «Депеш мод», Ник Кэйт, Элвис Костелло... Это отражение ваших личных пристрастий или есть какой-то человек, отвечающий за музыку к фильмам Вима Вендерса?

— Это та музыка, которая мне нравится. Многие из этих музыкантов — мои друзья, я сам выхожу с ними на контакт.

— И как вы объясняете, какая именно песня вам нужна? Рассказываете содержание фильма? Предъявляете какие-то конкретные требования?

— Конечно, я рассказываю сюжет, пытаюсь как-то передать атмосферу картины. Но не требую ничего особенного. Главное — чтобы песня «ложилась» в фильм. Чаще всего так оно и бывает. Во всяком случае мне не пришлось отвергнуть ни одну из песен.

— В «Крыльях желания» у вас показаны фрагменты концертов одного из самых интересных на сегодня рок-исполнителей — Ника Кэйва. Это очень напоминает готовый видеоклип. А вообще вас могла бы заинтересовать идея снимать клипы? Если да, то для кого?

— Я уже попробовал себя в видеоклупе — это была съемка песни Кола Портера «Ночь и день» в исполнении группы «Ю-2». И еще — «Токинг хэдз», которые появляются в начале фильма «До конца света». Я, конечно, мог бы заниматься этим и в дальнейшем. Если бы было свободное время. И если бы очень понравилась песня. И если бы ее исполнитель был моим другом.

Но вообще-то видео — это совсем другое дело, нежели кинематограф. Есть клипы, которые просто произведения искусства. Но в целом сама идея видеоклупа меня не очень-то вдохновляет. В мои молодые годы мы слушали песни, и у каждого они вызвали разные образы, ассоциации. Теперь есть видео, которое навязывает всем одинаковые визуальные образы музыки. И это грустно.

— Кто из кинорежиссеров, на ваш взгляд, наиболее интересно и гармонично использует рок-музыку в своих фильмах?

— Пожалуй, Мартин Скорцезе. Джим Джармуш знает в этом толк, Джонатан Демме.

— А Алан Паркер с фильмом «Стена» по одноименному диску «Пинк Флойд»?

— Начать с того, что мне не очень понравилась сама музыка. Ну и то, как она была перенесена на киноэкран.

— Стало быть, за какой-нибудь грандиозный музыкально-кинематографический проект типа экранизации рок-оперы вы бы не взялись?

— Нет. Мне интересно было бы снять рок-концерт, но именно как кинофильм — у Мартина Скорцезе это здорово получилось в картине «Последний вальс», рассказывающей о прощальном выступлении великолепной группы «Бэнд».

— В фильме 1973 года «Алиса в городах» персонаж снимает «Полароидом» море, смотрит на снимки и видит свое отражение. Вы предпочитаете, чтобы зрители видели в ваших фильмах себя или Вима Вендерса?

— Конечно, себя. Видеть в моих фильмах Вима Вендерса — это ужасно.

— Вы — немецкий режиссер. Не беспокоит ли вас порой то, что проблемы, которые вы ставите в своих фильмах, могут оказаться «слишком немецкими» и их просто не поймут зрители в других странах?

— Я никогда особенно об этом не думал. Может быть, потому, что никогда не считал себя немцем. Еще с детских лет я старался как можно больше путешествовать, бывать за пределами Германии, в которой я никогда не чувствовал себя дома. Но я очень привязан к немецкому языку, который дает мне ощущение дома, когда я нахожусь вне Германии.

— И что, есть такое место на земле, которое находилось бы не в Германии, но где вы могли бы говорить по-немецки?

— Да, раньше таким местом был Западный Берлин. Он ведь не был частью Германии, но там жили немцы. Теперь, после объединения страны, этот город, возможно, даже станет ее столицей, но я все равно люблю его. Даже сейчас Берлин очень похож на остальную Германию, там другая атмосфера, другое чувство юмора, чувство взаимной терпимости. Ну а если бы не было Берлина, я мог бы жить в Лондоне, Париже или где-то еще.

— Вдохновение приходит к вам в минуты полного комфорта или же под влиянием неблагоприятных обстоятельств?

— Лучше всего мне работает в дороге. Очень хорошее место для творчества — номер в дешевом отеле. А когда у тебя все слишком хорошо, снижается творческая энергия, притупляется чувство любопытства. Предпочитаю странные места, о которых я мало знаю и где не чувствую себя в полной безопасности.

— Какое для вас самое скучное занятие на свете?

— Смотреть телевизор.

— Ну а дома-то у вас телевизор есть?

— Нет, я смотрю его только в гостиницах.

— А аудиосистема?

— Аудиосистема у меня дома шикарная. А в офисе еще есть видеомонитор. Он выполняет сугубо технические функции: посмотреть пленки, которые мне присылают по работе.

— В беседе с Жаном Люком Годаром вы как-то сказали, что не любите процесс съемок. Вы это серьезно?

— Вполне серьезно. Съемка — не самый приятный процесс в производстве фильма. Подготовка, написание сценария, подбор актеров — все это куда интереснее. И после завершения съемки — работа со звуком, музыкой, монтаж.

А на съемочной площадке все связано со спешкой, невротичностью. Думаю, это свойственно многим режиссерам, их единственная мечта — на-

чать фильм, а потом — как можно скорее закончить.

— Вы считаете себя «тяжелым» режиссером?

— Да, что вы, вовсе нет. Со мной очень легко иметь дело, потому что я очень терпим и терпелив. Режиссер вообще должен иметь бездну терпения.

— А конфликты с актерами, продюсерами, сценаристами?

— Я сам пишу сценарии и сам продюсирую свои фильмы.

— Мудро. Поэтому, наверное, остается много терпения на актеров?

— Мне легко работается с актерами, которых я люблю. А других я просто не приглашаю на роли в своих фильмах. Пару раз мне приходилось снимать тех актеров, которых я не знал или не любил, и это заканчивалось провалом. Но я не скажу вам, кто это был.

— А вот представьте такую ситуацию: у вас есть хороший сценарий и хороший актер, которого вы знаете и любите. Но в процессе съемок выясняется, что именно для этого фильма актер как раз и не подходит...

— Я изменю сценарий.

— Вы когда-нибудь задумывались над тем, как будут смотреться ваши фильмы через сто, двести лет? Что увидят в них люди, которые попытаются понять, как мы жили в конце двадцатого века?

— Вообще-то меня это не слишком беспокоит. Но мне кажется, в своих работах я даю достаточно точную картину нашей сегодняшней жизни. «Крылья желания», кстати, это уже вполне исторический фильм, в нем запечатлено многое из того, что сегодня, шесть лет спустя, уже больше не существует. Художественные фильмы отражают историческую реальность лучше, чем документальные. Ленты Альфреда Хичкока более достоверно рассказывают об Америке 50-х годов, чем любые выпуски новостей той поры.

— Вы человек религиозный?

— Да, и становлюсь все более и более религиозным.

— В том числе и под влиянием собственных фильмов?

— В том числе. Соглашусь, делать фильм про ангелов и не верить в них — это странно. А делать второй фильм о них, не будучи убежденным в их существовании, просто невозможно. Знаете, когда я поступил в университет и стал изучать философию, то отошел от религии, увлекся психоанализом, марксизмом, ленинизмом — но ненадолго. Меня интересовали глобальные вопросы: почему я здесь, зачем я пришел в этот мир... В поисках ответа я познал разные виды мышления и в итоге, описав полный круг, вернулся к тому, с чего начинал.

— А нет чувства разочарования: ну вот, я все познал, больше ничего не осталось?

— Верно, не осталось. Но теперь я смотрю на все другими глазами. И поверьте: я по-настоящему счастлив.

Беседу вели
Леонид ЗАХАРОВ и
Александр МОНАХОВ.